

ФОРУМ: ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ НАУЧНОГО ЛАНДШАФТА

Аннотация: Этот «Форум» посвящен недавним переменам в институциональном устройстве науки и их последствиям. Участники дискуссии обсуждают изменившиеся условия научной деятельности: государственную научную политику разных стран, положение (молодых) сотрудников академических институтов и университетов, грантовую систему и работу исследователей в кратковременных проектах и коллективах, критерии, по которым оцениваются результативность научной работы и успешность ученого, надежность наукометрических показателей, расхождения в позициях и взаимное недоверие научных администраторов и исследователей. Авторы реплик указывают на наиболее острые проблемы, предлагают решения, которые помогут улучшить нынешнюю ситуацию, и альтернативные схемы устройства науки.

Ключевые слова: институциональное устройство науки, научная политика, оценка результатов исследований.

Для ссылок: Форум: Тенденции изменения научного ландшафта // Антропологический форум. 2020. № 46. С. 11–124.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-46-11-124

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/046/forum.pdf>

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2020, NO. 46

FORUM: CURRENT TENDENCIES OF THE ACADEMIC LANDSCAPE

Abstract: This “Forum” deals with recent changes in the institutional structure of academia and their consequences. Discussants talk about new conditions for scholarly research: the state policies of several countries towards social sciences and the humanities, the situation of (young) researchers in research institutes and universities, the system of grants for short-lived projects and ad hoc research groups, the criteria for evaluating the results of research and the qualification of scholars, the reliability of quantitative instruments of assessing academic quality, as well as misunderstandings and mutual mistrust between scholars and university administrators. The authors of the remarks identify the most acute challenges, offer solutions that could improve the current situation, and discuss alternative ways to organize research.

Keywords: institutional structure of academia, scholarly policies, assessment of research results.

To cite: ‘Forum: Tendentsii izmeneniya nauchnogo landshafta’ [Forum: Current Tendencies of the Academic Landscape], *Antropologicheskij forum*, 2020, no. 46, pp. 11–124.

doi: 10.31250/1815-8870-2020-16-46-11-124

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/046/forum.pdf>

Форум

Тенденции изменения научного ландшафта

Этот «Форум» посвящен недавним переменам в институциональном устройстве науки и их последствиям. Участники дискуссии обсуждают изменившиеся условия научной деятельности: государственную научную политику разных стран, положение (молодых) сотрудников академических институтов и университетов, грантовую систему и работу исследователей в кратковременных проектах и коллективах, критерии, по которым оцениваются результативность научной работы и успешность ученого, надежность наукометрических показателей, расхождения в позициях и взаимное недоверие научных администраторов и исследователей. Авторы реплик указывают на наиболее острые проблемы, предлагают решения, которые помогут улучшить нынешнюю ситуацию, и альтернативные схемы устройства науки.

Ключевые слова: институциональное устройство науки, научная политика, оценка результатов исследований.

ВОПРОСЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Ситуация в науке, с наукой, вокруг науки постоянно меняется. Кто-то считает, что все изменения ведут к худшему, помещая этим самым «золотой век» науки в прошлое, кто-то уверяет, что «золотой век» в будущем, кто-то считает, что его не было и быть не может. Однако дело не в оценках. Оценить «процесс в целом», как и изменения «для всех наук» заведомо невозможно: ситуации в разных областях науки, в разных странах и даже в разных городах могут сильно различаться.

Задача настоящего «Форума», как ее видит редколлегия, — обсудить несколько конкретных вопросов, которые в последние годы у всех на виду и на слуху, собрать мнения относительно того, полезны ли происходящие изменения для социальных и гуманитарных наук и для их конкретных представителей: этнографов, антропологов, фольклористов... Ставим многоточие, поскольку не хотим ограничивать области, относительно которых планируем собрать мнения. Редколлегия «АФ» предлагает вам ответить на следующие вопросы:

1**Изменения в институциональном устройстве науки**

Мы привыкли, что «наукой занимаются» в стабильных солидных организациях, институтах или университетах. Сейчас, однако, можно наблюдать одновременно несколько тенденций, за которыми просматривается иная, новая форма организации науки. Постепенно вымывается понятие постоянного контракта. В институтах РАН на постоянных контрактах остались одни «старожилы». Получить повышение теперь можно, только перейдя на срочный контракт. В университетах срочные контракты уже стали нормой. Все большую долю в работе (и зарплатах) научных сотрудников занимают гранты, все труднее получить грант на индивидуальное исследование. Подогнать один коллективный проект под существующий научный отдел института или кафедру университета непросто, поэтому для участия в таких проектах научные коллективы собираются *ad hoc*, а когда грант заканчивается — распадаются и перераспределяются между другими проектами¹. Успешность и мобильность для исследователя постепенно становятся синонимами. Какие последствия может иметь такая подвижность для науки, преподавания, научного музея? Какими должны быть современные научные центры? Имеет ли в таких условиях смысл понятие «научная школа»?

2**Что происходит с научной работой и ее результатами?**

Всем известна ситуация работы по грантам, в условия которых включены регулярные публикации статей в журналах той или иной «базы». В случае большого проекта коллектив, как правило, успевает собрать материал и выдать необходимые статьи, однако значительная часть материала остается необработанной и неопубликованной, поскольку времени на это нет: грант кончился, идет уже следующий, по которому также нужно опубликовать статьи. Собранные материалы оседают в архивах, с тем чтобы так никогда и не дойти до читателя. Действительно ли такая система сокращает «продуктивный выход» научной работы или более высокий темп работы, более лаконичные публикации, быстрая смена тематики исследования, наоборот, способствуют приращению научного знания? Какие еще изменения в этой сфере произошли в последнее время?

3**Как оцениваются результаты научной работы?**

Результаты научной работы институтов и университетов прежде оценивались ведомственными комиссиями, состоявшими,

¹ См. недавнюю публикацию об «интеллектуальных корпорациях», приходящих на смену традиционным научным институтам: <http://www.ng.ru/science/2020-04-21/9_7849_institutes.html?fbclid=IwAR2ap0ig09K8y1jYdnA1xGBYBeEHtTgT089L6YX-N9Uhf6Onl3-FcjEvM>.

как правило, из научных сотрудников других институтов. Сейчас результаты научной работы оцениваются главным образом с помощью так называемых наукометрических показателей. Как вы относитесь к этим и другим способам оценки научной работы? Какую форму оценки результатов могли бы предложить вы?

АЛЕКСАНДР КОЗИНЦЕВ

1

Предложенные вопросы касаются больше ситуации «вокруг науки», чем «в науке», т.е. не столько научного ландшафта как такового, сколько климата, в котором он существует. Это меня, откровенно говоря, волнует все меньше. Гораздо интереснее кажутся изменения, связанные с самой наукой, в частности с распространением научной информации. Все это не зависит от институтов, кафедр, грантов и контрактов, хотя, как и в случае с грантами, на первом месте здесь личная инициатива.

По роду своей деятельности и по складу характера я был и остаюсь одиночкой и анархистом. От того, к какой инфраструктуре я принадлежу и какие метаморфозы она претерпевает, сейчас зависит для меня, в сущности, лишь форма и объем бюрократической отчетности. К счастью, мне не нужно никакое оборудование, я давно уже могу себе позволить не ездить ни в экспедиции, ни даже в командировки. В молодости, правда, ездил довольно много, спасибо и Соросу, и РФФИ, и РГНФ. При рачительном гайдаровском правительстве гранты были нужны, чтобы элементарно выжить и прокормить семью.

Гранты в те времена требовались и для преодоления нашей изолированности. Я при-

Александр Григорьевич Козинцев
Музей антропологии и этнографии
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
agkozintsev@gmail.com

обрел свой первый компьютер в Токио в 1989 г. за счет неожиданно свалившегося на меня гранта от Японского общества содействия науке. Но интернет и электронная почта тогда только начинали внедряться. Теперь ситуация радикально иная, и теоретически от нашей изолированности не должно было бы остаться и следа. Однако ее наследие до сих пор не изжито. Гигантские возможности интернета недооцениваются.

Выскажу крамольное мнение: виртуальное общение в сети приобрело такие масштабы, что сделало в значительной мере излишним посещение конференций (если, конечно, они не повод встретиться с близкими друзьями). Принято считать, что конференции неотделимы от жизни ученого, как концерты неотделимы от жизни музыканта. Но Глен Гульд в 32 года оставил концертную деятельность и сосредоточился на студийных записях. У каждого свой стиль, и залог успеха — в избавлении от шаблонов. Да, живое общение не заменишь ничем, но сейчас я говорю о научной эффективности таких встреч. Если иметь в виду только ее, то зачем нужны конференции, если существуют форумы, подобные Academia.edu? Не успеешь вывесить туда свою работу, как ее тут же читают и скачивают все интересующиеся данной тематикой по всему миру. Сколько их? На уже упомянутой Academia.edu число моих подписчиков превышает 1400 (близких коллег среди них, разумеется, меньшинство). Принадлежат ли они к «стабильным и солидным» организациям, мне глубоко безразлично. Наука — это отношения между идеями, а не между организациями, что бы ни писали по этому поводу Бурдые, Латур и все их предшественники из вульгарно-социологического лагеря. Не место красит человека, а человек место¹.

Все ваши подписчики на Academia.edu тут же узнают о ваших последних работах и могут их загрузить. Среднее число загрузок с моей страницы — 15–25 в день, а когда выкладываешь что-нибудь существенное, причем по-английски, бывает и 100, и 200, и больше. Число просмотров одной из моих прошлогодних публикаций перевалило за 4 тысячи. Многих читателей я знаю поименно, благо сайт предоставляет нам такую возможность. Если угодно, можем здесь же, в разделе сообщений,

¹ В эпоху интернета эта поговорка требует еще более сильной формулировки, ибо «место» (аффилиация, должность и пр.) может отсутствовать вовсе. Приведу в качестве примера двух очень авторитетных генетиков-блогеров, аффилиация которых неизвестна, а печатные работы отсутствуют. Один из них — Давид Весоловский, пишущий под ником «Давидский». Другой скрывает даже имя, известен только псевдоним — Диенекес Понтикос. У меня не повернется язык назвать их дилетантами. По-моему, это профессионалы в самом точном смысле этого слова (см.: [Callaway 2010]). Что у них действительно отсутствует, так это наукообразие, и — о ужас! — Давидский в пылу спора не чурается даже обценной лексики. Лично я вполне могу от этого абстрагироваться и печатно ссылаюсь на него совершенно так же, как и на более уважаемых коллег.

написать автору той или иной работы, что побудило нас ее загрузить, и сообщить свое мнение о ней. Сегодня я получил такой отзыв от незнакомого человека, и это было очень приятно. Каждый из нас, в свою очередь, может попросить у коллеги электронную версию его/ее работы. Почти никто не отказывает, даже если речь идет о книге. Можно обсудить и черновые наброски. В обсуждении будут участвовать (если захотят) все, кого автор пригласит, а те, кто не получил приглашения, могут послать ему запрос. Размеры нашего виртуального сообщества необъятны.

Где, на каких конгрессах, самых что ни на есть международных, можно найти столь обширную и столь идеально целевую аудиторию? Да не одну, а несколько, ведь человек может заниматься множеством тем, далеких одна от другой. Если бы и можно было ее найти (предположим невероятное), то на сколько человеко-часов общения на самих конференциях и после них можно было бы рассчитывать? А в интернете нет ни пленарных заседаний, ни секционных, ни регламента, ни необходимости разрываться между секциями или печально стоять у своего постера... Благодать для анархистов вроде меня. Спорить можно хоть до ночи, можно и ночью. Вообразим, что было бы, если бы Сократ дожил до эпохи интернета! Споры затягиваются на несколько дней, недель, месяцев. Дискуссия по моим статьям на сайте «Генофонд.рф» началась в ноябре прошлого года, а последний 99-й пост датирован маем нынешнего. В какой-то момент обсуждения я перестал в нем участвовать, ибо узнал все, что хотел узнать, но мои оппоненты продолжали спорить друг с другом — разве это не замечательно?

А лекции по Zoom? Я никогда прежде им не пользовался, но не было счастья, да несчастье помогло — до чего же эта форма общения удобна! Экономятся час дороги до колледжа, час обратно (с пересадками и риском подцепить если не Covid, то более скромный штамм гриппа). Недавно договаривался со студентами о дате и времени очередной беседы. Оказалось, всех устраивает суббота 9 мая. Праздник? Ну и что? Выпить можно и после занятия. Где сказано, что в праздник нужно только праздновать, а в будни — только работать? Суббота для человека, а не человек для Субботы! Разве такое возможно при нормальном режиме, когда все приурочено к определенной дате, часу и аудитории? Кстати, 20 марта, накануне полного карантина, я прочел (под запись, при почти пустом зале) публичную популярную лекцию про эмоции на Неделе мозга в Первом медицинском университете <<https://www.youtube.com/watch?v=JXwZ-QxZJtQ&feature=youtu.be>>. Куда мне до Глена Гульда — и все-таки чем такая виртуальная лекция хуже обычной? По-моему, лучше, хотя бы тем, что слуша-

тель может в любой момент остановить видео, чтобы разглядеть слайд¹.

Скажу больше — интернет сделал гораздо менее необходимым и посещение библиотек². Эффективность добывания информации в наши дни поразительна. Старая литература в значительной мере оцифрована. Что же касается новой... Каждый день вы находите во «Входящих» множество научных рассылок. Ежедневные списки книг по психологии, археологии, антропологии, лингвистике, “Science Daily”, “Medium Daily Digest”, “EurekAlert”, еженедельные выпуски “Science”, “Nature”, “Scientific Reports” по биологии и т.д. Все это нужно просматривать от и до. Времени занимает немало, но иначе кругозор необратимо сужается, а компетентность уменьшается.

Конечно, из упомянутых источников можно лишь узнать о том, что такие-то статьи и книги опубликованы, а не познакомиться с ними досконально (максимум с их подробным изложением). Раньше приходилось до поры до времени этим ограничиться, ведь сами журналы и монографии до библиотек когда еще доходили. Но два замечательных сайта отодвинули эту эпоху в прошлое. Sci-Hub практически полностью удовлетворяет нашу потребность в новейших статьях. По сегодняшним данным их там лежит в свободном доступе более 80 млн. Library Genesis примерно на две трети, если не на три четверти покрывает и потребность в новых западных монографиях, отчасти и в российских. Что касается последних, то к нашим услугам еще Twirpx, Klex, Koob и результаты неутомимой копировальной деятельности участников наших многочисленных сетевых сообществ в VK и Facebook.

Не так давно я дал интервью создательнице Sci-Hub юной Александре Элбакян, сторонником и почитателем которой являюсь

¹ Восторгаясь «столичными» техническими достижениями и вдобавок изображая во время лекции кавычки с помощью жеста, я позиционирую себя в качестве самого провинциального из провинциалов [Соколов, Титаев 2013: 257]. Замечу, однако, что заведомо неосуществимые притязания иных наших соотечественников на право судить о провинциально-туземной системе со столичной точки зрения есть худшая форма туземства. Удержусь от более экспрессивного слова, хотя, как и встарь, признанья от Европы (в широком смысле) не сникать ни при каком уровне сервиллизма. Провинциалов печалит собственная отсталость, и они всеми силами пытаются ее преодолеть. А туземцы всем довольны, ведь именно в существующем положении дел и состоит их *raison d'être*. Социологическая же разница между самодовольством и злорадством лишь в том, что в первом случае референтная группа совпадает с группой членства, а во втором — нет.

² Реальных, а не виртуальных! И я говорю лишь о своей области. Недавно крупнейший компаративист Аллан Бомхард сделал общедоступной свою гигантскую библиотеку (16 Гб) на Google Диске. Нарушил ли он этим права авторов и издателей? Формально — да. Я с некоторым удивлением увидел там не только свою уже опубликованную работу, но и ту, которая еще только должна была выйти в этом году (редактор журнала прислал ее Бомхарду на рецензию). Да, если придерживаться буквы закона, это нарушает права и мои, и журнала, но кто же из авторов станет протестовать против такого пиратства?

(не одобряю ее хулиганских выходов, хотя Есенин, помнится, тоже хулиганил). Не представляю себе, что бы я делал без ее сайта, во всяком случае ни одной работы на современном уровне написать бы не смог. Согласен с нею, что электронное пиратство, если его вообще можно так назвать, — огромная выгода для науки. Воровство аморально, потому что похищенная ценность становится недоступной хозяину, а здесь все остается на своих местах. Да, несколько уменьшаются доходы издателей, зато ученые (которым журналы ничего не платят, хотя и существуют за их счет, как и за счет налогоплательщиков, на деньги которых финансируется наука) оказываются в выигрыше, да они и по закону имеют право рассылать свои статьи коллегам. Один из мудрых издателей, у которого я попросил разрешения выложить на Academia.edu свою статью из его журнала, ответил так: “It is usually best if I simply don’t know what you do with it”. Притом его журнал так заботится об окупаемости, что, в отличие от подавляющего большинства других, не присваивает статьям doi, ведь где doi, там и Александра Элбакян. Это раздражает наших бюрократов от науки: кому же неясно, что статья без doi — не статья? Но другой журнал недавно потребовал от одного из моих коллег удалить его публикацию с Academia.edu, хотя копирайт там принадлежит только авторам. Это, правда, единственный известный мне случай.

Sci-Hub и LibGen периодически блокируются Роскомнадзором. От кого? Многие ли пользователи интернета не знают о браузере Tor, о котором наслышан едва ли не любой студент? А блокировщикам не мешало бы напомнить строки из стихотворения А.К. Толстого, адресованного цензору М.Н. Лонгинову:

Брось же, Миша, устрашенья,
У науки нрав не робкий,
Не заткнешь ее теченья
Ты своей дрянною пробкой!

К этому надо прибавить вполне законные электронные Горьковку, РНБ, КиберЛенинку, Google Books и прочие легальные ресурсы наши и западные. Настоящий клад для историков, филологов и просто любителей русской литературы, в том числе эмигрантской, — мюнхенская электронная библиотека ImWerden Андрея Никитина-Перенского. В прошлом году я, не нарушив ничьего копирайта, послал ему электронную версию изданного мною трактата Леонида Пинского и теперь регулярно получаю списки новинок этого собрания. Спасибо и Якову Кротову за свободный доступ к его электронной библиотеке и за то, что он разместил там мою книгу и две статьи.

Некогда мы были оторваны от остального мира. Сегодня, когда слово «спецхран» не вызывает у студентов никаких ассоциаций, проблема одна — где взять время на чтение всего этого.

Пришло время ответить на вопрос, какими должны быть современные научные центры. Полагаю, такими, где руководство следит не столько за тем, исправно ли их сотрудники ходят на работу, ездят ли на конференции, входят ли в состав научных обществ, оргкомитетов, ученых советов, аттестационных комиссий и редколлегий, руководят ли грантами и далее по пунктам ПРНД, сколько за тем, весома ли производимая ими продукция. Если весома, то сами собою со временем возникают и научные школы, не официальные, а виртуальные.

2

Гранты и контракты необходимы на ранних этапах карьеры. Вполне разумно дать человеку с научной степенью, принятому на работу, испытательный срок, возможно очень долгий, в течение которого он обязан всеми способами продемонстрировать талант и работоспособность, после чего получает (или не получает) *tenure*, как в США, *Professur*, как в ФРГ, или что-то в этом роде. Можно (к чему, сейчас, кажется, и идет) выбрать другой путь и сделать всех нас независимо от возраста, стажа и престижа вечными аспирантами и постдоками. Это, конечно, дисциплинирует, но...

Долгосрочное планирование? Да, но только если тема сформулирована достаточно широко. Откуда человек знает, чем ему захочется заняться завтра? Примкнуть к мегапроекту по изучению мобильности? Куда как заманчиво, да дорого яичко к Христову дню. Еще вчера тебя волновали миграции, но сегодня ты заинтересовался, допустим, эмоциями. Как и куда вписаться? В свое время, когда мои штудии совсем уж никуда не вмещались, я решил запланировать собственную, индивидуальную тему НИР. Сказано — сделано, и тему я получил, и фонды были ко мне благосклонны. Но ясно ведь, что все это требует отчетности, а кроме того, смешно быть своим собственным руководителем, нужно пригласить исполнителей. Но мне не нужны исполнители, я из той же породы, что Давидский с Диенекесом.

Некогда, еще в пору активных занятий физической антропологией, я придумал довольно эффективную систему признаков. Но, доказав ее полезность для реконструкции древних миграций, выпустив книгу и подготовив учеников, я предоставил другим собирать на этом поле новые урожаи. Теперь мои коллеги со своими учениками продолжают начатое и руководят собственными темами, а я переключился на вопросы, более для меня актуальные, чтобы потом сделать еще один поворот и т.д.

Могут назвать это легкомыслием, но в моем ментальном лексиконе данное слово располагается поблизости от слова «свобода». Могут сказать, что подобная стратегия, которую я назвал движением поперек жизни, — верный способ ничего в жизни не достичь. Скажу осторожнее: это трудный способ чего-то достичь, ведь Альберти, говоря, что человек может, если пожелает, заниматься чем угодно, жил в прекрасную эпоху кватроченто, когда ничего не знали о темах НИР. Какой же выход? По мне, лучше всего было бы сделать темы НИР и грантов максимально широкими и обтекаемыми, тогда и долгосрочное планирование не проблема. Например: «Человек — его происхождение, единство и многообразие, а также его достоинство и превосходство». Шучу, хотя для меня подобная ренессансная формулировка была бы в самый раз. Срок? Остаток жизни, а это не так и много.

Но у нас сейчас, похоже, решили двигаться в противоположном направлении. В условиях пандемии побит очередной антирекорд: раз мы сидим по домам, от нас потребовали еженедельных отчетов. В принципе можно отчитываться и каждый день, но станем ли мы от этого работать быстрее и лучше? Не уверен: лично у меня, пожалуй, появится несвойственная мне склонность отлынивать от научной деятельности — не зря ведь Павлов описал рефлекс свободы.

Перехожу к самому животрепещущему вопросу.

3

Поскольку результаты научной работы институтов и университетов складываются из индивидуальных показателей и поскольку, повторюсь, человек красит место, а не наоборот, я буду говорить только о том, как оценивается труд каждого из нас. Наукометрические показатели дают очень приблизительное, а порой и искаженное представление о результативности научной работы. Чем обширнее научное сообщество, представляющее то или иное направление, тем, при прочих равных, больше у вас читателей и соответственно цитат. А любителям горных троп на большое число спутников рассчитывать не приходится, и поражение от победы, как известно, отличить тут бывает не просто.

Для наукометрии талант и работоспособность не только недостаточны, но и не необходимы. Вольготнее всего в плане отчетности чувствуют себя, независимо от их ролей, рядовые члены больших виртуальных междисциплинарных коллективов во главе со звездами мировой науки. Быть постоянным участником международных мегапроектов, результаты которых публикуются не иначе как в “Science” и “Nature” за многими десятками подписей, — это в условиях «сырьевой науки» (разновидность «провинциальной») самый надежный способ достичь высокой

цитируемости. Если измерять успешность в единицах Хирша и в журнальных квартилях, то благодаря международному разделению труда любой постдок из такой команды быстро достигает впечатляющих результатов. Пусть его функция состоит лишь в том, чтобы поставлять сырье и давать его техническое описание, все равно взамен он получает полноценное (с точки зрения наукометрии) соавторство.

Администратору повесить свой Хирш при такой системе совсем просто. Бывает, что самая цитируемая его работа (вернее та, где он значится в соавторах) не только не им написана, но и к его научным интересам отношения не имеет. Иногда во главе его библиографического списка в РИНЦ несколько таких работ, а в Web of Science — только они. Западных соавторов, вернее подлинных авторов, такое положение вполне устраивает, ведь от администратора зависит, получают они в дальнейшем материал или нет. Администраторы же порой ворчат: им даже не показали рукопись перед отправкой в печать. «Ах, извините, — оправдываются соавторы, — в следующий раз непременно покажем».

А вот противоположный пример. Я уже упоминал о своей работе в Японии, когда не только материалы, которые я изучал, были предоставлены приглашающей стороной, но и расходы на мою командировку были щедро оплачены ею же, притом что я и не думал подавать заявку на грант JSPS, они сами меня пригласили. Статья по результатам работы была немедленно и без единого изменения опубликована в журнале Японского антропологического общества (написать ее, кажется, и было единственным моим обязательством по грантовому договору). Статью, где тот же материал обработан другими методами, я опубликовал в США. Обе статьи возглавляют список самых цитируемых моих публикаций в Web of Science. Почему же мои японские коллеги заранее согласились на роль «поставщиков сырья», почему по нашему примеру не включили в договор пункт, обязывающий меня сделать их соавторами? Сказав, что они в этом не нуждались, я назову следствие, а не причину. Причина же в том, что человеческое достоинство хоть и не измеряется, в отличие от цитируемости, ни в каких единицах, в определенной системе ценностей во сто крат дороже.

Возвращаясь к цитируемости, какой наукометрической базе доверять? Если ориентироваться на Web of Science, к чему нас сейчас призывают, надо печататься только по-английски. Готов я к этому? Лингвистически — да, психологически — нет, хотя пишу на этом языке все чаще. С 2014 г. у меня вышло на Западе десять работ, в том числе шесть крупных статей и три рецензии (плюс англоязычные статьи в российских изданиях).

Ни одна из моих русскоязычных работ из списка Web of Science, если верить этой базе, не была процитирована ни разу. Правда, вместо нулей там стоят прочерки — это, видимо, означает, что соответствующие цитирования никто не отслеживал. Итак, вот меседж для тех, кто держит нос по ветру: мало публиковаться по-английски — нужно вдобавок *не* публиковаться по-русски, дабы не тратить времени попусту. Никакая геополитическая конъюнктура не заставит меня с этим согласиться. Не соглашусь и с тем, что мой Хирш, скажем, по Google Scholar неполноценен из-за того, что учитывает и русскоязычную часть моей продукции и моей читательской аудитории. Эта аудитория мне очень дорога, особенно если дело касается гуманитарного направления моей работы¹.

Лучше ли ведомственные комиссии, чем наукометрия, не знаю. Тут тоже много подводных камней, скажем тот же административный ресурс. Нас завораживает рассказ Шкловского о гамбургских состязаниях борцов, где учитывались только личные качества и несправедливость была исключена в принципе. Но как достичь этого в наших науках? В каких единицах измеряется авторитет? Честно говоря, не знаю. Но в то, что «есть ценностей незыблемая скала над скучными ошибками веков», верю твердо.

Библиография

Соколов М., Тутаев К. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275.

Callaway E. The Rise of the Genome Bloggers // Nature. 2010. Vol. 468. No. 7326. P. 880–881.

¹ Моя книга о смехе, вышедшая в России, вызвала бурные споры, но лишь худшие из моих студентов жаловались на то, что она непонятна. Многие читатели писали мне лично, чтобы выразить одобрение или, наоборот, возмущение. Расширенный английский вариант, опубликованный в США, получил несколько хвалебных отзывов в печати, но личный контакт с читателями фактически так и не установился. Между тем оба варианта написаны обычным разговорным языком, я бы даже сказал, в научно-популярном стиле. Дело, конечно, не в природных качествах, а в приобретенной за десятилетия гегемонизма невосприимчивости ко всему исходящему из неанглоязычного мира. Не могу удержаться, чтобы не привести разговор между двумя ведущими американскими специалистами по теории комического — философом и лингвистом, который публично, но в отсутствие собеседника, пересказал этот случай на конференции. “Is it normal that you don’t understand a single word?” — спросил философ, имея в виду одну из моих англоязычных работ. На что лингвист (эмигрант из СССР, ученик В.А. Звегинцева) ехидно ответил: “Yes, it’s perfectly normal”, подразумевая не обобщенно-личное значение “you”, а адресатное. Мне же он сказал: «Вы, Саша, диверсант и вредитель», — что свидетельствовало о полном понимании и доставило мне большое удовольствие, ведь я действительно постарался не оставить от его теории камня на камне.